

ПЁТР БОЛЬШАКОВ

ТА КТО РИСУЕТ

Пётр Большаков

Та кто рисует

«Автор»

2026

Большаков П.

Та кто рисует / П. Большаков — «Автор», 2026

Следователь Андрей Ворсин тридцать лет не чувствует ничего. Его профессиональная броня безупречна: он видит места преступлений, но не видит людей. Он умеет закрывать глаза на чужую боль, потому что однажды уже научился запира́ть свою в темном шкафу и считать шаги, чтобы исчезнуть. До дня, когда он сталкивается с делом, которое не поддаются ни уголовному кодексу, ни здравому смыслу. Девятилетняя Аля исчезает из палаты детского психиатрического центра. Дверь заперта изнутри на тугую латунную щеколду. Окно открыто, но под ним — нетронутый гравий второго этажа. Следов нет. Есть только акварельное пятно на подушке, напоминающее черную воду, и одно слово, написанное детским почерком: «Афеан». Аля не говорила ни слова уже четыре месяца. Она только рисовала. И её рисунки сбывались. Это не просто мистический триллер о пропавшем ребенке. Это глубокая, пронзительная притча о том, как мы прячемся от собственной

Пётр Большаков

Та кто рисует

«Та, кто рисует»

Цикл «Афеан»

Автор Пётр Большаков

Глава 1. Замок

Палата пахла льняным маслом и пылью.

Андрей Ворсин стоял в дверном проёме, не переступая порог. Его взгляд скользнул по скомканным простыням, по съехавшему на линолеум одеялу, по тёмно-синему пятну на подушке. Акварель. Расплывчатое облако.

— Дверь была закрыта изнутри, — сказала женщина за его спиной. Голос у неё был хриплый, срывающийся на сухом кашле.

Ворсин обернулся. Мария Ожерельева. Психолог. Тёмные круги под глазами настолько глубокие, что казались синяками. На внутренней стороне её щеки — свежая кровь: она кусала себя до мяса.

— Замок? — спросил Ворсин.

— Старый, щеколда. Со стороны коридора не закрыть. Только изнутри.

Ворсин подошёл к двери. Латунная щеколда. Он нажал на неё пальцем, не касаясь металла кожей — через рукав рубашки. Щелчок. Тугой, требующий усилия.

— Окно, — он кивнул на раму.

— Открыто. Второй этаж. Под окном — гравий.

Ворсин шагнул к окну, посмотрел вниз. Чистый, серый гравий. Ни вмятин, ни сломанных веток.

— Если бы она выпала или прыгнула, следы остались бы, — сказала Мария.

— Она не прыгала, — тихо произнёс Ворсин. Он не знал, почему так решил. Просто гравий лежал слишком ровно. Слишком не тронут.

Он вернулся к столу. На нём лежал лист плотной бумаги. Ворсин нагнулся. Пруд. Старое дерево с корявыми ветками, склонёнными к воде. Камни. И фигура мужчины, стоящего спиной. Вместо лица — белый, нетронутый краской овал.

В правом нижнем углу, детским, вдавливающим бумагу почерком: «Он придёт за ней».

— Это она рисовала?

— Да.

— А это? — Ворсин указал на синее пятно на подушке.

— Это пруд. Только в тени.

Ворсин достал диктофон. Нажал кнопку. Красная лампочка замигала в тусклом свете палаты.

— Соболева Алина. Девять лет. Исчезла в ночь на тринадцатое марта.

Он замолчал, слушая, как гудят лампы дневного света под потолком. Этот гул был везде. Он забивался в уши, в зубы.

— Что ещё? — спросил он, не оборачиваясь.

— Она не говорила, — ответила Мария. — Четыре месяца. Ни слова. Только рисовала.

Ворсин посмотрел на фигуру без лица на рисунке.

— А это? Кто это?

Мария подошла ближе. От неё пахло холодным потом и хлоркой.

— Мы не знаем. Но за день до того, как пропала Аля, она принесла мне этот лист. И сказала одно слово.

— Какое?

— Афеан.

Ворсин нажал кнопку стоп на диктофоне. Слово повисло в воздухе, тяжелое и чужое.

— Я начну с отчима, — сказал он, убирая диктофон в карман.

— Он не забирал её, — вдруг тихо сказала Мария.

Ворсин остановился. Посмотрел на её руки. Они дрожали.

— Почему вы так уверены?

— Потому что он боится её. А Афеана он не знает.

Ворсин кивнул. Повернулся к двери. И тогда Мария сказала — тише, чем раньше:

— Подождите.

Он обернулся.

— Что?

— За месяц до исчезновения Али в центр приезжал человек. Богатый. В дорогой машине. Говорил с директором. Просил показать работы детей.

— Каких детей?

— Тех, кто рисует... необычно.

— Вы его видели?

— Мельком. Высокий, седой. Смотрел на рисунки так, будто они — не бумага. А окна.

— Имя?

— Не спросила. Директор потом сказала: «Спонсор фонда. Забирает некоторые работы».

— Какие?

— Те, где свет и пруд.

Ворсин посмотрел на неё. Мария не отводила глаз. В них не было мистики — только глухая, хроническая усталость.

— Спасибо, — сказал он.

Он вышел из центра. Сел в машину. Поехал домой.

Глава 2. Счёт

Запах вернулся ночью.

Не сон. Не воспоминание. Запах был физическим: пересохшая пыль, старый дерматиновый диван и мышь, застрявшая в стене.

Ворсин открыл глаза. Темнота спальни давила на грудь. Лежал на спине, руки вдоль тела, и считал.

«Один. Два. Три».

Ему было восемь. Он сидел в шкафу-купе в прихожей, поджав колени к подбородку. Спина прижималась к холодной фанере. В щель под дверцей шкафа падал свет из кухни.

Смех отца. Короткий, как переломленная ветка. Звон стекла.

Шаги. Тихие, шаркающие. Мать.

Ворсин, взрослый, тридцативосьмилетний мужчина, лежащий в своей квартире, перестал дышать. Снова был там. Ждал, когда тень матери пересечёт полосу света.

Тень появилась. Остановилась.

Она знает. Она знает, что я здесь. Она сейчас откроет дверцу.

Тень дрогнула. И пошла дальше. На кухню. К звону стекла. К отцу.

Она не открыла. Ей было удобнее пройти мимо. Удобнее, чтобы ребёнка не существовало.

Ворсин резко сел на кровати. Сердце колотилось о рёбра, как птица, попавшая в клетку. Ладони были мокрыми. Он смотрел на тёмный угол спальни, где стоял его собственный, современный, кожаный шкаф-купе.

Дверцы были закрыты.

Встал, прошёл на кухню, включил свет. Налил воды в стакан. Выпил. Вода была тёплой, но он пил, пока стакан не опустел.

Он стал следователем не ради справедливости. Следователь — это профессия, где можно смотреть на расчленёнку и думать о том, что пора купить новый коврик в машину. Это была броня. Щель под дверцей, через которую смотрел на мир, не участвуя в нём.

Но сегодня броня дала трещину.

На кухне пахло льняным маслом. И пылью.

Утром он поехал в центр.

Глава 3. Слои

Центр «Дом тишины» напоминал заброшенную больницу. Облупившаяся желтая краска, запах хлорки и вареной моркови.

Мария привела Ворсина в комнату для рисования.

— Здесь она проводила дни, — сказала Мария, не включая свет. Только открыла шторы.

Комната была похожа на внутренность гигантского, больного организма. Стены были исцарапаны, заклеены, закрашены десятками слоёв. Дети рисовали поверх друг друга. Но в центре, на мольберте, лежал чистый лист.

Ворсин подошёл к стене. Провёл пальцем по бугристой краске. И заметил кое-что.

— Здесь пустые места, — сказал он. — Прямоугольники. Где краски нет.

Мария молчала.

— Кто-то снимал работы, — продолжил он. — Аккуратно. Со временем.

— Да, — наконец сказала она. — Некоторые рисунки исчезали. Директор говорила — «спонсор забирает».

— Один и тот же?

— Один и тот же. Двенадцать лет.

Ворсин провёл ладонью по пустому прямоугольнику. Обои под ним были светлее — краска не выгорела. Здесь висело что-то долго.

— Она рисовала предсказания здесь? — спросил он.

— Нет. Предсказания она рисовала в палате. Аварии. Пожары. Скорые помощи.

— А что она рисовала здесь?

Мария молчала долго. Ворсин слышал, как за окном шелестят сосны.

— Свет, — наконец сказала она. — И пруд.

— Пруд?

— Тот самый, за лесом. Вы были там?

— Нет.

— Поезжайте, — Мария посмотрела на него. В её глазах не было мистики, только глухая усталость. — Но не ищите там улик. Ищите тишину.

— Мария, — Ворсин повернулся к ней. — У вас был мальчик. Три года назад.

Она дёрнулась, словно он ударил её по лицу.

— Кто вам сказал?

— Директор. Сказала, что после этого, вы «слишком близко принимаете всё к сердцу». Поэтому детей к вам больше не пускают.

Мария сжала губы.

— Его звали Миша. Ему было семь. Он рисовал то же самое. Пруд. Дерево. Свет. И слово...

Она не договорила.

— Афеан, — закончил за неё Ворсин.

Мария кивнула.

— Он ушёл в лес. Нашли только кроссовки у воды. Полиция закрыла дело. Несчастный случай. Утонул, тело унесло.

— А вы?

— А я знаю, что он не утонул, — её голос сорвался, но она тут же взяла себя в руки. Выпрямила спину. — Вода там не течёт, Андрей. Она стоит. Как зеркало. Туда нельзя утонуть. Туда можно только уйти.

Ворсин посмотрел на чистый лист на мольберте.

— Я поеду к пруду.

— Я не советую вам идти туда одному, — тихо сказала она. — Там можно забыть, зачем ты пришёл.

Он поехал к пруду на следующий день.

Глава 4. Чёрная вода

Пруд нашёлся легко. Он был на картах, хотя дороги к нему не было.

Ворсин оставил машину на обочине грунтовки и пошёл пешком. Лес стоял стеной. Сосны, берёзы, папоротник. Воздух здесь был другим — густым, влажным, он облеплял кожу, как мокрая ткань.

Он вышел к воде через двадцать минут.

Пруд был маленьким, неправильной формы. Вода — тёмно-зелёная, почти чёрная. Ни ряби. Ни течения. Идеальное, страшное зеркало. Старое дерево с корявыми ветками склонилось над водой, словно пытаясь дотянуться до своего отражения.

Ворсин встал на берегу. Он ждал страха. Жалости. Тревоги за пропавшего ребёнка.

Ничего.

Только гул. Тот самый, что был в лампах палаты, но теперь он звучал не в ушах, а в затылке.

Он сделал шаг вперёд. Гравий под ногами хрустнул неестественно громко. Ворсин остановился. Он посмотрел на воду.

В отражении было небо. Серые облака. Ветки дерева.

И он.

Ворсин смотрел на своё отражение. Но что-то было не так. Отражение не моргало. Оно смотрело чуть иначе. Чуть глубже.

Ворсин присел на корточки. Достал из кармана фотографию рисунка Али. Чёрный пруд. Закрашенный целиком, без просвета.

Он посмотрел на реальную воду. Чёрной она не была. Но если смотреть долго, если не отрывая взгляд, зрачки расширились, и зелень исчезала. Вода становилась провалом.

Ворсин протянул руку. Коснулся поверхности пальцем.

Ледяная. До ломоты в костях.

Он резко отдёрнул руку. На пальце не было воды. Только холод, который не уходил, а впитывался в кожу, поднимаясь выше, к запястью, к локтю.

— Аля, — сказал он вслух.

Ответа не было. Птицы не пели. Ветер не шелестел.

Абсолютная, ватная тишина.

Ворсин встал. Ему внезапно, до тошноты, захотелось курить, хотя он бросил десять лет назад. Он развернулся и пошёл обратно к машине. Шёл быстро, не оглядываясь.

И вдруг остановился.

На тропинке, в двадцати метрах от него, стоял след. Один. Свежий.

Не детский ботинок. Не кроссовок поисковика.

Мужская туфля. С аккуратным каблуком.

След был один. Пары не было. Как будто человек стоял здесь, смотрел на воду — и исчез.

Ворсин присел. Потрогал край отпечатка. Земля ещё не осела.

Кто-то был здесь. Совсем недавно.

Он поднял голову. Осмотрел лес. Никого. Только сосны. Только тишина.

Но он почувствовал: за ним смотрят. Не из кустов. Не из-за деревьев. А откуда-то выше. Откуда-то со стороны.

Ворсин встал. Пошёл к машине быстрее.

И уже сидя за рулём, глядя в зеркало заднего вида, он увидел: на тропинке, у поворота, стоит чёрный внедорожник. Без номеров.

Он моргнул. Внедорожника не было.

«Устал», — подумал он.

Но холод в груди не уходил.

Утром он был в управлении.

Глава 5. Щеколда

В управлении было шумно. Телефоны звонили, оперативники кричали, пахло дешевым кофе и табаком. Этот шум был спасительным. Он означал, что мир нормален.

Ворсин сидел в своем кабинете, разложив на столе папку Соболевой.

Игорь Соболев. Отчим. Пил, срывался на девочку, угрожал. Идеальный подозреваемый. Прокуратура уже точила зубы.

Дверь открылась. Вошёл Павел Сергеевич. Шеф. Лицо серое, мешки под глазами.

— Подписывай постановление, — бросил он, кидая папку на стол. — Соболева задержим завтра утром.

Ворсин не тянулся за ручкой.

— У него нет алиби на ночь исчезновения. Он был пьян. Спит в вытрезвителе, когда мы его нашли.

— Отличное алиби, — усмехнулся Павел Сергеевич. — Пьян, спит, ребёнка нет. Мотив — раздражение. Средство — сила. Закрывай дело, Андрей.

— Окно было открыто, — сказал Ворсин. — Но на подоконнике нет следов. Ни обуви, ни одежды. Она не вылезала через окно.

— Значит, он её вынес. А потом выбросил.

— Дверь была закрыта изнутри на щеколду, Павел.

Шеф замер. Посмотрел на Ворсина. Долго, тяжело.

— Ты что, мне физику читать будешь? Девочка исчезла. Отчим — мразь. Система требует результата.

— Система требует, чтобы замок был открыт, — тихо сказал Ворсин. — А он был закрыт изнутри. Соболев не мог закрыть его, выйдя из комнаты.

— Андрей, — шеф наклонился над столом. — Ты полгода как робот. Ты не спишь, не ешь, на допросах смотришь сквозь людей. Я думал, это шок после гибели напарника. Но ты просто сломался. Не ломай мне карьеру. Подпиши.

Ворсин посмотрел на шефа. На его красные, уставшие глаза. И вдруг понял.

Павел Сергеевич не просто давил. Он боялся.

Ворсин заметил, как шеф непроизвольно трёт левое запястье. Там были часы. Развёрнутые циферблатом внутрь. К коже. Чтобы не видеть времени.

— Вы были там, — сказал Ворсин.

Шеф выпрямился, словно его ударили.

— Что?

— На пруду, — Ворсин говорил тихо, но каждое слово падало, как камень в колодец. — Вы знаете, почему там нет следов. Потому что гравий не ломается под тем, чего нет.

Павел Сергеевич побледнел. Он медленно отступил на шаг. Потом сел в кресло. Тяжело, как старик.

— Двадцать лет назад, — сказал он, глядя на часы. — Я был молодым опером. Приехал на вызов. Подросток повесился в гараже. Я стоял, смотрел на его ботинки. И вдруг услышал гул. Не от ламп. Изнутри. Он звал меня к воде. К пруду. Я знал, где он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.